

УТЕШЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ

Известно, что выражение «утешение философией», как и одноименный труд, принадлежит позднеимперскому философу Боэцию. Его сочинение может быть переведено также как «Утешение философское» или «Утешение от философии»; оно было написано в тюрьме, куда Боэций был заточен по доносу. Это произведение, созданное в часы утрат и горького отчаяния, имеет литературно-философский характер. В утонченно-поэтической форме Боэций размышляет о нравственных ценностях и самоопределении человека. Будучи античным философом, тяготевшим к стоицизму, он, в то же время, пластично соединяет в своем учении платонизм и установки христианского вероучения.

Аллегорический персонаж Дамы-Философии помогает Боэцию разграничить вечные и иллюзорные ценности, и тем самым – преодолеть пессимизм и отчаяние. За злом, представляющим собой лишь видимость, философ усматривает благо, имеющее источник в Божественном Провидении. Чем ближе человек к Богу, тем меньшее влияние прихотей Судьбы он ощущает на себе. Размышляя о суевериях, себялюбии, суетности человеческих желаний, Боэций приходит к выводу о том, что истинное счастье содержится в нас самих и потому не может быть у нас отнято. Сила духа дает человеку возможность сохранить внутреннюю стойкость и верность своим нравственным принципам.

Эти размышления представляются достаточно актуальными в наше время, когда стремительный темп жизни превращает наше существование в сумасшедший бег против часовой стрелки. Проблема ценностей, которыми следует (или не следует) жить, проблема выбора себя как личности, а не как явления из толпы, осознание той простой истины, что мир существует не для того, чтобы приносить нам удовольствие – все это заставляет нас искать утешения в философии. Когда-то русский философ Лавров отметил, что все мы, в той или иной мере, – философы, точно так же, как все мы – врачи, когда лечим своих близких, или учителя, когда помогаем делать уроки своим детям. Мы философствуем, порой этого даже не замечая.

Очевидно, рассуждения Лаврова содержат зерно истины: философия представляет собой не только форму общественного сознания, но и внутреннюю сферу личностного душевно-интеллектуального существования. И все-таки заметим, что далеко не все люди испытывают потребность в

философствовании, и не все способны выходить за границы обыденного сознания. Если самодовольной посредственности недоступна философская рефлексия, и она комфортно чувствует себя в обесцененном мире, то мыслящий и тонко чувствующий человек хочет полноценно жить в своей истории. Философская рефлексия предполагает не только осмысление содеянного в самом широком смысле, но и глубокое переживание всех значимых событий, свершающихся как во внутреннем психологическом пространстве, так и в окружающей реальности.

Само понятие утешения предполагает наличие в жизни неблагоприятных обстоятельств, которые вызывают чувство страдания, тревоги, страха, наконец – отчаяния. Все эти экзистенциалы были пристально рассмотрены С. Кьеркегором, М. Хайдеггером и Ж.-П. Сартром. Эти философы были убеждены, что человеческий дух должен постоянно преодолевать усталость и слабость. Отчуждение – это своеобразное трение между субъектом, отчаявшимся обнаружить смысл бытия, и парадоксальным, громоздким миром. Не случайно в известном рассуждении об ужасе перед пропастью Сартр видит индивида тем, чем он будет в модусе небытия: подходя к пропасти, человек играет своими возможностями и идет к будущему. Этот путь сопряжен с мучительными поисками подлинного существования, невозможными без обращения к метафизическим проблемам бытия – проблемам, погружающим индивида в мир философии.

Можно утверждать, что во все времена мыслители испытывали потребность в утешении философией. Об этом свидетельствует и мистический опыт восточных мудрецов, и неустанный поиск истины европейских философов; об этом говорит любомудрие киеворусских мыслителей и кордоцентризм отечественных мастеров слова. Поэтому отнюдь не антиномична позиция скептика М.Монтеня, утверждавшего, что нет ничего более светлого и радостного, чем философия; неудивительно тяготение к философии известнейших математиков – Р. Декарта, Б. Паскаля, Г. Лейбница; вполне естественно органичное пребывание в философии мыслителей-антропоцентристов, для которых актуален сократовский принцип: жить – как философствовать, и философствовать – как жить. Именно сократовское мужество, считал П. Тиллих, помогло многим людям в различных частях древнего мира найти «утешение в философии» в период катаклизмов и перемен [2, с. 111].

В переходные эпохи утешение философией приобретает особую значимость. Оно лежит в основе бесконечных попыток мыслящего человека освоить доступное ему смысловое пространство, которое предстает то языковой реальностью (мир – большой словарь со множеством мыслительных и словесных лабиринтов), то рассыпанным бытием (мир – непрерывное

исчезновение, попытка уловить следы прошлого), то попросту симулякром (виртуальный мир – феномен «двойного присутствия») и т.д..

Нельзя не отметить и такую неизбежную интенцию, как стремление найти практическую сферу применения той или иной философской парадигмы. Например, прагматизм, позиционирующий себя как «философию успеха», нацелен на помощь человеку, живущему в стремительно меняющемся мире: любую проблемную ситуацию интеллект должен превратить в решаемую. В этом случае философствование приобретает ярко выраженную утилитарную окраску.

Любопытную и весьма успешную версию утешения философией предложил психоанализ. Исследователь «расколотого я» Р. Лэнг, экзистенциально переосмыслив учение о бессознательном, усмотрел значимость Фрейда в следующем гениальном прозрении: рядовой индивид – это лишь высушенная, сморщенная частичка того, чем может быть личность. По мнению Лэнга, Фрейд героически сошел в «Преисподнюю» и встретился там с абсолютным ужасом, который он превратил в камень своей теорией, как головой медузы. Чувствуя себя несубстанциональным, индивид сталкивается с реальностью, но не может выразить ужаса, связанного с переживанием этой реальности. На основе этих переживаний строятся действия, по преимуществу разрушительные: именно такие действия соответствуют миру, где отчуждение становится нормальным условием бытия. Не предлагая безопасного приюта для бездомных, экзистенциальное мышление находит свое обоснование тогда, когда, «несмотря на поток наших средств и стилей, наших ошибок, заблуждений и извращений, мы найдем в сообщении другого переживание взаимоотношения, которое установлено, потеряно, разрушено и вновь обретено» [1, с. 253].

Точно так же находят утешение в философии представители строгой классики и убежденные позитивисты: первые – получая интеллектуальное удовольствие от утонченности научных дефиниций, вторые – от завершенности безупречных логических умозаключений. Показательно, что Гегель, отточивший рационалистическую философию до логической безупречности, также обращался к экзистенциалу отчаяния. Он связывал с ним одностороннюю субъективность, присущую современной ему философии. Болезнью своего времени он считал отчаяние, приведшее к утверждению, что наше познание всегда субъективно, и никакое другое познание нам недоступно. Очевидно, для Гегеля прекрасной Дамой-Философией всегда оставалась логика – *наука о Боге, каким Он был до сотворения мира*.

Думается, есть глубокая правда в определении, данном философии более двух веков назад немецким романтиком Новалисом. Он охарактеризовал философию как ностальгическую тягу повсюду быть дома. В этом поэтическом

определении тонко схвачена сущность философии как любви к мудрости – стремление уловить скрытую гармонию мира; все понять, прочувствовать и объяснить; прикоснуться к истине, которая прячется в самых неожиданных уголках макро- и микрокосмоса. Философия везде хочет быть дома, ибо нет такой сферы, которая не могла бы стать предметом ее осмысления. Философия ностальгирует по метафизическому и трансцендентному, но точно так же – по стройному порядку в мире вещей. Поэтому нет ничего более естественного, чем искать утешение именно в философии, помогающей понять, что человек самой своей природой предназначен к поискам высшего начала.

В то же время, в отличие от Боэция или Тиллиха, многие современные философы не ищут утешения в Боге; они воспринимают его как трансцендентность, которая приобретает характер гипотезы. Идея Бога как абсолютного «третьего» отражает пустоту гуманистических идей общества: «Эпоха мировой ночи – это ущербная эпоха, ибо она становится все более ущербной. Она уже стала настолько ущербной, что больше не в состоянии заметить отсутствие Бога как отсутствие» [3, s. 248].

И все же пламя экзистенции переплавляет и изменяет любые теории. Способность к утешению философией служит точкой отсчета на пути к обретению субъектом субстанциальной целостности. Эта способность проектируют позитивный прообраз грядущего, знаменующий не только удаленность от бытия, но и возврат к более высокому модусу существования. Особую актуальность этот возврат приобретает на фоне глобальных проблем современности.

Литература:

1. Лэнг Р. Расколотое «я»: / Р. Лэнг. Пер. с англ. – Спб.: Белый Кролик, 1995. – 352 с.
2. Тиллих П. Мужество быть // Новый круг. – III. – 1993. – № 1. – С. 106-120.
3. Heidegger M. Holzwege. – / M. Heidegger. Fr. a. M.: Klostermann, 1957. – 345 s.

Осипов Анатолий Александрович

*Доктор філософських наук,
професор кафедри філософії
Чорноморського державного
університету ім. П. Могилу*

ТЕОРЕТИЧНА І ПРАКТИЧНА ФІЛОСОФІЯ ЯК ДВІ ПАРАДИГМИ ПОЗИЦІОНУВАННЯ ЛЮДИНИ У СВІТІ

У будь-яку епоху розвитку суспільства філософія, спираючись на новітні передові знання із різних сфер життєдіяльності людини, визначає нову